

Возрастные особенности восприятия смешного и страшного в мультфильме

А.Л. Романова*
ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,
psytoys@mail.ru

В статье рассматривается феномен детского смеха и его роль в жизни ребенка. Смех рассматривается как особый вид катарсического переживания, в основе которого лежит нарушение различных хорошо освоенных культурных норм. В то же время отклонение от нормы и нарушение привычных стереотипов вызывает определенную тревогу и страх. Высказывается гипотеза о том, что соотношение переживаний смеха или страха зависит от степени и формы нарушения той или иной нормы, а также от специфики восприятия данного нарушения, которая связана с возрастом ребенка и ситуацией смехового нарушения. В статье представлено экспериментальное исследование восприятия смешного и страшного в мультфильме. В качестве стимульного материала выступает мультфильм, содержащий значительное число нарушений различных норм. Описана методика, в основе которой лежит оценка детьми ключевых эпизодов фильма как страшных или смешных. В исследовании участвовали 3 возрастные группы детей от 7 до 11 лет. В результате исследования были выявлены возрастные и индивидуальные различия в восприятии смешного и страшного в разных эпизодах фильма. Была выявлена тенденция к последовательному снижению переживания страха и возрастанию смехового восприятия с увеличением возраста детей. В заключение рассматривается вопрос о возрастной адресации мультипликационного юмора, и о «зоне» смеха, адекватной для детей разного возраста.

Ключевые слова: смеховые реакции, страх, фрустрация, инверсия культурных норм, восприятие мультфильма, катарсис, возрастные различия.

Функции смеха в жизни детей

Мультфильмы являются для современных детей важным источником позитивных эмоций и смеха. Значение смеха для ребенка трудно переоценить. Он пронизывает все детство: начиная от общения младенца с близкими взрослыми и заканчивая подростковой субкультурой, включающий разнообразные шутки, смешные загадки, истории, игры. При этом источник смеховых реакций ребенка и само качество смеха меняются на протяжении онтогенеза.

Начиная с 2–3 месяцев смех и смеховое взаимодействие с опекающим взрослым становятся важной частью общения. В среднем, дети этого возраста смеются от одного до четырех раз в течение 10 минут игры, при этом причина смеха — как правило, необычное поведение взрослого [9, с. 267].

Для цитаты:

Романова А.Л. Возрастные особенности восприятия смешного и страшного в мультфильме // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 4. С. 47–56.

* Романова Александра Леонидовна, психолог центра психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия. *psytoys@mail.ru*

качестве средства общения со сверстниками. Около трех лет дети предпочитают невербальный, двигательный и мимический юмор, а детям 5 лет больше нравятся вербальные шутки и игры со словами [9, с. 270]. Еще позже, в школьном возрасте, смех и юмор становятся инструментами межличностного общения, факторами самооценки и оценки другого. Ребенок школьного возраста уже не только с удовольствием смеется сам и смешит других, но и обладает достаточной степенью рефлексии. Он зачастую отдает предпочтение своим «смешным» сверстникам, сам стремясь завоевать их внимание с помощью шуток. Смех и юмористическое отношение становятся средством преодоления негативных эмоций и сложных жизненных ситуаций. Об этом свидетельствует, в частности, огромный объем смехового фольклора детей школьного возраста, популярными видами которого являются смешные истории, псевдо-загадки и анекдоты) [8].

Итак, если для младенца смех — неконтролируемая и неосознаваемая реакция, то для ребенка раннего и дошкольного возраста смех превращается в один из предпочитаемых способов общения, а начиная с младшего школьного возраста, смех и юмор становятся для ребенка полноценными культурными средствами, выполняющими множество функций, от саморегуляции до поддержания статуса в группе.

Те же тенденции в области юмора и смеха можно проследить и в детской анимации.

Смех и юмор в детских анимационных фильмах

Наблюдения показывают, что дети начинают воспринимать юмор на экране примерно с двух лет. Первыми понятными детям «шутками» становятся нелепые ситуации и неожиданное поведение персонажей (подразнивание, переворачивание с ног на голову, преувеличение и пр.) Наши наблюдения показали, что самыми смешными для малышей, оказываются мультфильмы типа «Ну погоди!» или «Том и Джерри», причем комментарии смеющихся детей, в большинстве случаев, относятся к поведению и нелепым действиям героев. Позже, в старшем дошкольном возрасте, подключается вербальный юмор — всевозможные игры со словами и значениями, искажение знакомых фраз, дразнилки. В этом возрасте дети уже часто смеются над репликами персонажей, что также можно заметить по их комментариям. Как правило, шутки оказываются гораздо смешнее для ребенка в обществе сверстников.

Наблюдения за детьми школьного возраста показывают, что мультипликационный юмор, как и другие виды смеховой субкультуры, становится важным средством общения. Дети активно обсуждают увиденное, причем не только во время просмотра, но и за его пределами, «продолжают» (развивают) шутки, и даже используют любимые мультфильмы для опознания «своих» — в качестве признака общих интересов и возможной дружбы.

Отмечая значение мультфильмов, как части сегодняшней детской смеховой культуры, важно отметить их отличие от других ее составляющих — игр, детских анекдотов, дразилок и прочего детского смехового фольклора. Все перечисленные явления исходят в основном от самих детей и, как правило, рождены внутри детского сообщества. В отличие от этого мультфильмы являются продуктом творчества взрослых, а значит, представленный взрослыми о том, как «смешить» детей и зачем это нужно. Основываясь на собственных представлениях, чутье и таланте, создатели мультфильмов производят огромное количество разнообразной продукции, призванной вызвать смех у ребенка. Тренд к росту количества и популярности такого рода смешных мультиков стал особенно заметен в последнее десятилетие. «Стеб», «приколы», шутки стали неотъемлемой частью почти всякого мультфильма для детей. Это ярко проявляется в многочисленных фильмах студии «Дисней», в полнометражных произведениях студии «Пиксар», а также в отечественных мультсериалах. «Ну погоди», «Смешарики», «Маша и медведь». Одновременно с этим, растет и доля особой разновидности таких мультфильмов, которые условно можно назвать «смешными страшилками». Некоторые из них больше напоминают фильмы ужасов, другие, наоборот, тяготеют, к пародиям, однако все эти мультфильмы объединяет интерес к потустороннему, мистическому и пугающему. «Шрек», «Паранорман», «Школа Монстров: Скариж — город Страха», «Корпорация монстров», «Франкенвини», «Труп невесты» — вот некоторые примеры таких «забавных страшилок». Во всех этих мультипликационных произведениях тематика сверхъестественного, аномального и пугающего подается в контексте смеха и юмора.

Культивация страшного и смешного в произведениях для детей, активная позиция взрослого как транслятора и пассивная, воспринимающая позиция ребенка ставят перед психологами множество интересных вопросов. Что лежит в основе смеховых проявлений? В чем заключаются возрастные особенности детского смеха? Существует ли связь страха и смеха, и как она представлена на разных этапах детства? В своей работе мы попытались подойти к ответам на эти вопросы.

Подходы к пониманию психологической природы смеха

В настоящее время существует несколько различных подходов, к анализу природы смеховых проявлений, которые связывают явление смеха с различными ключевыми переживаниями человека, а именно: превосходством (superiority), облегчением (relief) и несоответствием (incongruity) [10].

Гипотезой сторонников теорий превосходства стала идея о том, что смех выражает переживание

превосходства над кем-либо или чем-либо. Так, Аристотель указывал на значение смеха как знака превосходства человека над уродливыми и нелепыми, но безвредными явлениями [1]. Бергсон указывал на человеческую природу смеха и его социальный контекст. Смех, по Бергсону, всегда отражает принадлежность к определенной группе [2]. Тесно связывая смех с агрессией, исследователи этологического направления, начиная с Конрада Лоренца, находят в смехе черты победного рыка животного или символический знак силы [8; 4].

Представители теорий снятия напряжения рассматривают смех и юмор в качестве средства снятия психологического напряжения или разрешения внутренних противоречий. По их мысли, смех возникает при внезапном разрешении напряженного ожидания чего-то, например, при устранении препятствия на пути реализации сексуальных, агрессивных и других тенденций, обычно порицаемых обществом. В частности, таких взглядов придерживался основатель психоанализа Зигмунд Фрейд [11]. Наибольшее развитие в рамках большинства культурологических, лингвистических, психологических и философских исследований юмора получила теория несоответствия. С точки зрения этого подхода, смех возникает как реакция на несоответствие. При этом не менее важным для возникновения смеховой реакции является своевременное разрешение этого несоответствия, позволяющее сохранять когнитивную согласованность [14; 13].

Развивая данный подход, можно предположить, что в основе смеховых проявлений лежит игровое, несерьезное нарушение некоторых нормативных представлений и ожиданий. Вместе с тем, сам акт нарушения и понимание несоответствия, по-видимому, имплицитно содержат в себе некую позицию превосходства и преодоления: нарушая норму, индивид ставит себя выше нее и одновременно выше самого себя, нуждающегося в этой норме. Это можно интерпретировать как своеобразную агрессию по отношению к норме или предмету осмеяния, что вполне отвечает представлениям в теории превосходства. Наконец, нарушение нормы, ее инверсия, которая может переживаться как некая потенциальная угроза, позволяет пережить и чувство разрядки в тот момент, когда напряжение от нарушения превращается в смех. Такая интерпретация соответствует теории снятия напряжения или облегчения. Таким образом, можно полагать, что приведенные выше подходы не противоречат, а взаимодополняют друг друга.

Смех можно рассматривать как особый вид катарсического переживания, в основе которого лежит нарушение различных хорошо освоенных культурных норм. Очищающее и обновляющее действие смеха может быть понято как на культурологическом, так и на индивидуальном, психологическом уровне. В первом случае, вслед за Бахтиным, Лотманом, Лихачевым, смех может пониматься как особая функция саморазвития и обновления культуры [3; 6]. Во втором случае, смех служит утверждению и

обновлению Я индивида. Постоянно проверяя мир и самого себя в нем «на прочность» и нарушая границы, и взрослый человек, и ребенок расширяют собственные пределы, обретают большую свободу и вместе с ней — ощущение контроля, силы и устойчивости, связанных со способностью выдерживать и иницировать смеховые нарушения.

Парадоксальным образом смех как средство инверсии норм становится средством обретения устойчивости, сам становясь своего рода нормой нормой смехового отношения к миру. Постепенно формируясь в детском возрасте, эта смеховая норма, в свою очередь, дарит чувство безопасности и защищенности [10, с. 237].

Освоение и активное усвоение большинства норм происходит в детском возрасте. Неустойчивость большинства норм для ребенка, а значит острое переживание риска и даже страха при их нарушении, с одной стороны, могут быть препятствием для смехового реагирования, а с другой — могут стимулировать особенный интерес к их осмеянию, когда происходит своеобразное смеховое исследование.

Позже, развитое чувство юмора позволяет существенно расширить спектр нарушений, которые воспринимаются как смешные, и даже использовать юмор инструментально — как особое средство общения. Непосредственная связь смеха с переживанием опасности и страхом, преодоление страха и появление у ребенка «юмористического отношения» к нарушениям привычных представлений представляются нам важнейшими факторами его эмоционального и когнитивного развития.

Как возникает это преодоление? Существуют ли возрастные нормы допустимой остроты смехового нарушения? Эти вопросы мы попытались исследовать на материале восприятия мультфильмов как одной из наиболее популярных областей современной детской субкультуры.

Гипотеза о соотношении смеха и страха в онтогенезе

Наблюдения показывают, что смех ребенка чаще всего возникает в ситуациях взаимодействия с близкими людьми, в привычной безопасной обстановке и связан с нарушением каких-либо привычных норм — от стереотипов поведения до логической инверсии или использования языка.

Мы предположили, что в онтогенетической динамике развития смеха просматриваются следующие тенденции. В ранних возрастах смеховая реакция менее устойчива и более амбивалентна — дети более склонны к перепадам смеха и страха и даже плача в ответ на нарушения привычного функционирования. С возрастом происходит расширение диапазона смехового инверсирования — ребенку доступно все больше ситуаций для смехового взаимодействия, поводов для «шуток» и смеховых реак-

ций. Смеховые реакции обогащаются, усложняются, они получают дополнительные эмоциональные, социальные функции, смех становится особой ценностью и нормативом межличностного и группового взаимодействия.

Отклонение от нормы и нарушение привычных стереотипов всегда вызывает определенную тревогу. Можно предположить, что именно этот страх перед неизвестным, его преодоление и сопутствующее переживание освобождения от страха являются основанием для особой радости, которая выражается в смехе. На ранних этапах онтогенеза, «опасность» нарушений переживается особенно остро; с возрастом, возможность отклонения от нормы становится более привычной и менее травматичной, сохраняя, тем не менее, свою стимулирующую функцию. Тревога, имплицитно содержащаяся в смехе, не осознается индивидом. Веселье или удовольствие как бы перевешивает страх и негативную сторону переживания. Однако возможна и обратная ситуация преобладания страха. В этом случае смеховой реакции просто нет, а есть тревога, ожидание опасности, чувство страха. Такой сценарий вероятнее в тех случаях, когда нарушение нормы связано с угрозой жизни, здоровью или несет другие серьезные опасности. Универсальную для всех людей, особую эмоциональную значимость определенных «тем» подчеркивал известный исследователь эмоций Пол Экман [12].

Наша гипотеза заключается в том, что соотношение переживаний смеха или страха зависит от степени и формы нарушения той или иной нормы, а также от специфики восприятия данного нарушения, которая связана с возрастом ребенка и ситуацией смехового нарушения.

Возрастные особенности переживания веселья и страха в контексте смехового нарушения норм на материале мультфильма и составили предмет нашего исследования.

Методика исследования восприятия смешного и страшного в мультфильме

Характеристика стимульного материала

Для исследования был выбран специальный мультфильм, в котором в избытке представлены нарушения норм различной степени «остроты» — «Медвежуть» (режиссер Василий Кафанов, 1988 г.). Данный фильм состоит из трех отдельных, не связанных частей, представляющих собой различные сны Медведя. Для исследования была использована лишь одна часть (первый сон медведя).

Данный мультфильм отличают следующие особенности, имеющие ключевое значение для задач данного исследования.

- Фильм избыточно юмористическими инверсиями различных норм в сюжете.
- Все нарушения норм достаточно просты и обыгрывают хорошо известные детям нормы поведения

животных или людей, т.е. не представляют когнитивной сложности для детей дошкольного и младшего школьного возраста.

- Многие из микросюжетов фильма включают опасные для персонажей события или их условно агрессивное поведение, что давало нужный материал для выявления реакции испытуемых на фрустрирующий компонент смеховых нарушений.

Сюжет выбранного сна представляет собой историю про четырех бобров, строящих плотину. При этом один из бобров отличается белым цветом и повышенным интересом к птицам, явно связанным с его желанием быть на них похожим. Постоянно отвлекаясь от работы и получив за это нагоняй, вскоре главный герой — Белый бобер — сбегает от своих товарищей и оказывается в лесу. Там он различными способами пытается приблизиться к птицам: бежит за ними, махая лапами, пытается устроиться на чьем-то гнезде с яйцами, разбежавшись, прыгает с обрыва в надежде взлететь. Все это не приводит его к желаемому результату. В то же время, остальные бобры, пытаясь сдвинуть с места камень, прибегают к последнему средству и закладывают под него динамит. Как раз в тот момент, когда они поджигают фитиль, в кадре появляется Белый бобер, который сразу же принимает круглое взрывное устройство за яйцо и, несмотря на ужас товарищей, обкладывает его веточками и усаживается сверху. В следующий момент, подброшенный взрывной волной, он оказывается в воздухе и, встраиваясь в косяк перелетных птиц, улетает с ними.

Важно отметить, что данный сюжет, избыточно множественный смеховых нарушений, весьма созвучен детскому восприятию. Образ героя-мечтателя, его способ действий (попытка стать птицей через подражание) очень напоминают мотивацию и приемы ролевой игры и фантазирования.

Процедура эксперимента

Эксперимент включал просмотр мультфильма детьми (в группах по три человека), и последующий опрос детей с использованием авторской методики оценки выраженности «смешного» и «страшного» в разных эпизодах фильма.

Поведение детей в процессе просмотра фиксировалось на видеокамеру. Выбор группового просмотра объясняется тем, что присутствие сверстников усиливает смеховые реакции детей, способствует большей их экспрессивности, а также помогает ребенку сохранять необходимый уровень психологической безопасности.

Методика оценки после просмотра включала демонстрацию моментов просмотренного мультфильма. Каждому ребенку предъявлялись 4 цветные картинки, с ключевыми моментами мультфильма, в разрезе АБ.

Для тестирования были выбраны следующие четыре эпизода и кадры их маркирующие

1. Эпизод, в котором, по халатности Белого бобра, бревно, служившее рычагом в работе, падает прямо на голову Бобра-прораба (рис. 1).

Рис. 1. Кадр, на котором запечатлен момент удара бревном по голове бобра-прораба

2. Эпизод с прыжком, в котором главный герой — Белый бобер в надежде взлететь прыгает с обрыва, что заканчивается его падением (рис. 2).

Рис. 2. Кадр, на котором запечатлен момент прыжка Белого бобра с обрыва

3. Эпизод, в котором Белый бобер находит на земле гнездо и усаживается высидывать находящиеся в нем яйца, а его прогоняют птицы (рис. 3).

Рис. 3. Кадр, на котором запечатлен над гнездом Белый бобер, которого прогоняют птицы

4. Эпизод, где Белый бобер находит бомбу и, приняв ее за яйцо, усаживается сверху (рис. 4).

Рис. 4. Кадр, в котором на первом плане видны махающие руками бобры и горящий фитиль, а на заднем — сидящий на бомбе Белый бобер

Выбранные эпизоды отличались выраженностью опасности, угрожающей героям, а также степенью и характером нарушаемых норм. Так, в первом эпизоде (с ударом бревном по голове) нарушается социально-ролевая норма — начальник-бобер оказывается в роли жертвы, а также норма телесного положения в пространстве (неожиданное неловкое падение). Во втором выбранном эпизоде присутствуют нарушения норм поведения, ожидаемых от данного персонажа (в данном случае, вида животных) — бобер машет лапами и прыгает со скалы, словно он птица. В третьем эпизоде, где бобер стремится высидывать яйца птиц, нарушается та же норма ожидаемого поведения, однако в более нестандартной и оригинальной форме. Также комический эффект усиливается благодаря «дополнительному» небольшому нарушению, подкрепляющему основную линию: усаживаясь на яйца, бобер нахохливается как птица. В завершение эпизода появляется птичка, выгоняющая бобра из гнезда (бобер пугающийся маленькой птички нарушает нормы ожидаемого поведения). И наконец, в четвертом эпизоде, где бобер принимает бомбу за яйцо, помимо той же нормы ожидаемого поведения, нарушаются норма обращения с предметом (с опасным предметом — бомбой — обращаются как с безопасным — яйцом) и норма физических закономерностей (взрыв приводит не к разрушению, а к полету).

Первый и четвертый эпизоды содержат явно агрессивные по отношению к героям элементы. Однако в первом эпизоде агрессия относительно незначительная (удар бревном по голове) и направленная на условно отрицательного персонажа — бобра-прораба. В последнем же эпизоде (ожидание взрыва) смертельной, т. е. самой существенной из всех ее видов, опасности подвергается главный герой, с которым ассоциируют себя большинство зрителей, этот эпизод самый заряженный тревогой.

Самый низкий уровень опасности и соответствующий ей низкий уровень потенциального страха у зрителя характерен для третьего эпизода, где птицы прогоняют Белого бобра, что выглядит достаточно безобидным.

Во втором эпизоде, где главный герой прыгает с обрыва, уровень потенциального испуга у зрителя относительно высок, однако, из-за неопределенности высоты прыжка и его последствий этот испуг может переживаться по-разному.

В процессе просмотра фильма поведение детей фиксировалось на видеокамеру, а затем подвергалось качественному анализу.

После просмотра фильма каждому ребенку индивидуально демонстрировали четыре картинки с просьбой положить каждую из них на две шкалы: «не смешно/смешно», и «не страшно/страшно». Шкалы были представлены в виде прямых полос белой бумаги без делений. На крайних точках шкал были нарисованы символы-смайлики соответствующих эмоций (нейтральный смайлик и смеющийся на первой шкале, нейтральный смайлик и испуганный на второй шкале).

Мы полагали, что данная форма опроса — более наглядна и интуитивно понятна детям дошкольного и младшего школьного возраста, чем вербальное оценивание. Расположение кадров на соответствующих шкалах переводилось в числовое значение. За основу бралась 3-балльная шкала, в которой максимальное значение определяемого качества («очень смешно» или «очень страшно») оценивалось в 3 балла, а минимальное — в 1 балл.

Таким образом, каждый из описанных эпизодов получал соответствующие оценки по шкале смеха и страха.

Выборка включала 46 человек в возрасте от 5,5 до 11 лет, которые были разделены на три возрастные группы: младшую (5,5–6 лет), среднюю (7–8) и старшую (9–11). Большинство детей дошкольного возраста были опрошены в условиях ДОО, а другая часть школьников — в семейной обстановке.

Часть детей, по просьбе экспериментатора, кроме всего указали наиболее понравившийся эпизод из трех предложенных.

Результаты исследования

Поведение детей в процессе просмотра.

Большинство детей с радостью откликнулись на возможность посмотреть мультфильм. Однако поведение разных детей во время и после просмотра, существенно различалось. По характеру реагирования на мультфильм всех детей можно разделить на две группы, которые мы условно обозначили как «шумную» и «тихую».

Шумные дети вели себя очень активно. Они часто комментировали мультфильм, старались привлечь внимание сверстников, а после просмотра — экспериментатора. Они часто и много смеялись, при этом постоянно оглядывались на товарищей, адресуя им различные реплики. Такие дети производили впечатление более социально ориентированных и более

«взрослых». Часто им удавалось развеселить сверстников, когда они продолжали шутки из мультфильма (пародируя героев) или начинали шалить, делали вид что выключают телевизор, строили рожицы перед камерой и пр. При этом дети явно наслаждались тем, что внимание переключилось на них. Если другие дети и взрослый не реагировали на их шутки, некоторые из них переставали обращаться к товарищам, при этом продолжали смеяться, комментировать происходящее (как бы для себя). Некоторые же после того, как их попытки вовлечь других в общение оказывались безуспешными, переставали громко смеяться, а порой становились напряженными (что было заметно по статичной позе и выражению лица).

Вторая наблюдаемая группа дошкольников отличалась большей молчаливостью и вместе с тем более «детской» открытой и непосредственной эмоциональностью, эту группу мы условно обозначили как «тихую».

Дети, которых мы отнесли к этой группе, как правило, с опаской заходили в помещение для просмотра, осторожно садились и затем внимательно и молча следили за сюжетом. Большая часть таких детей отличалась живой, выразительной мимикой и спонтанными реакциями испуга или веселья, которое дети выражали в основном улыбками, а не смехом. Реплики, более редкие чем в первой группе, были обращены в основном взрослому и свидетельствовали о сопереживании герою. В своих комментариях дети объясняли, почему то или иное действие совершает герой: «Он хочет летать», «Хочет быть птицей» и т.п. Другая, меньшая, часть «тихих» детей демонстрировала полное отсутствие смеховых реакций. И хотя такие дети смотрели мультфильм до конца, они ни разу не смеялись, и даже не улыбались во время просмотра.

Рассмотрим, как оценивали дети предложенные эпизоды фильма.

Возрастные различия в оценке кадров фильма

В соответствии с нашей гипотезой, мы предполагали, что оценка детьми эпизодов мультфильма по двум шкалам «страшно/не страшно», и «смешно/не смешно» будет различаться в трех разных возрастных группах. Эти предположения подтвердились (рис. 5).

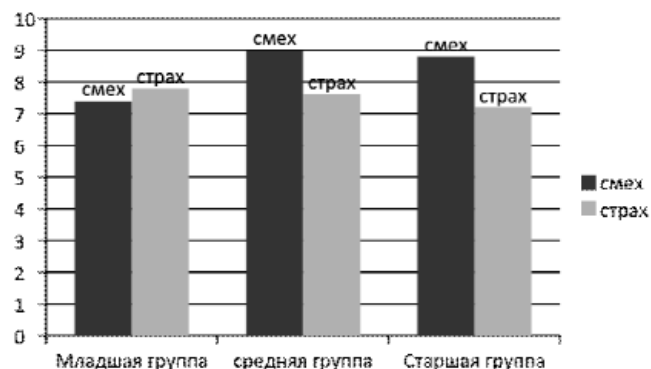

Рис. 5. Выраженность «смешного» и «страшного» в оценках детей разных возрастных групп (суммарные данные по всем эпизодам)

Средние оценки по группам, свидетельствуют о тенденции к последовательному *снижению переживания страха и возрастанию смехового восприятия с увеличением возраста детей*. Младшие дети воспринимали четвертый эпизод как самый страшный и совсем не смешной. По-видимому, они оказывались захваченными переживанием страха за главного героя, что препятствовало восприятию юмора в достаточно смешной ситуации. Воспринимаемая опасность «всерьез», они не считывали игровую природу ситуации. Старшие дети, напротив, оценивали данный эпизод как наиболее смешной и, зачастую, как совсем не страшный. Этот результат демонстрирует изменение субъективного переживания безопасности и его влияние на восприятие смешного.

Данный вывод подтверждается наиболее частым выбором четвертого эпизода как предпочитаемого в старшей группе. Для большинства младших школьников предпочитаемым оказался именно этот эпизод, а в младшей возрастной группе его выбрал только один ребенок.

Интересны результаты вычисления стандартного отклонения. В младшей группе был выявлен наибольший разброс данных, т.е. было выявлено расхождение между ответами разных детей внутри одной возрастной группы (0,671–0,999), а в старшей группе разброс был минимальным (0,316–0,789). Вместе с тем, в оценках детей из старшей группы гораздо чаще встречался средний балл (2) по обеим шкалам, а в младшей группе преобладали крайние оценки (1 и 3). Другими словами, чем младше дети, тем больше «разброс мнений» и крайних оценок и, наоборот, в старшей группе оценки эпизодов разными детьми меньше разнятся между собой и более умеренные.

Соотношение смешного и страшного в оценках разных эпизодах фильма.

Результаты статистической обработки данных показали реципрокную связь смеха и страха — чем более смешным кажется ребенку эпизод, тем менее кажется он ему страшным. Эта связь статистически значима по всем эпизодам (за исключением второго).

Соотношение смешного и страшного существенно различалось при оценке разных эпизодов. Напомним, что эпизоды отличались по степени и качеству нарушаемых норм, т.е. по наличию «страшных» элементов, при этом наиболее насыщенными «пугающим» содержанием были первый и четвертый эпизоды. В первом тревога могла возникнуть за счет явной опасности, которой подвергается герой-прораб (на него скатывается камень, а затем его ударяет по голове бревно). В последнем эпизоде опасности подвергается главный герой, причем, напряжение усиливается, поскольку сам герой, в отличие от зрителя, о ней не знает. Наименее заряженными опасностью и тревогой были второй и третий эпизоды (рис. 6).

Рассматривая суммарные данные, в первую очередь необходимо выделить последний четвертый эпизод. Его дети, в соответствии с нашими ожиданиями, отмечали как самый страшный. Если все эпизоды оцениваются преимущественно как смешные, то в оценке последнего эпизода самые близкие значения оценок по шкалам смеха и страха — 2,2 и 2,3.

На втором месте, по уровню переживаемой тревоги, как и ожидалось, оказался первый эпизод. Этот эпизод дети различного возраста оценивают как приблизительно в одинаковой степени смешной. Однако в оценках степени страха между возрастными группами обнаружены значимые различия — младшие дети оценивали его как более, а старшие как менее страшный.

Самую низкую оценку по шкале страха получили второй и третий эпизоды. При этом третий эпизод оказался самым смешным по суммарным оценкам. По-видимому, это связано, с одной стороны, с оригинальностью и удачным сочетанием предложенных нарушений (бобер высидывает яйца на гнезде), а во-вторых с близостью обыгрываемого контекста к детскому мировосприятию и опыту. Так, ставшее в данном случае предметом шутки, желание стать птицей через выполнение ее «обязанностей» весьма напоминает детскую ролевую игру и несомненно распознается в этом смысле детьми как нечто родственное и понятное. Вместе с тем, эпизод отличает отсутствие потенциально опасных нарушений, а значит, как старшие, так и младшие дети могли воспринимать его как безопасное.

Обсуждение результатов

В результате исследования было выявлено реципрокное отношение между страхом и смехом при восприятии детьми мультфильма. Чем более смешным кажется эпизод, тем менее страшным он воспринимается. Данная тенденция прослеживалась во всех исследуемых возрастах — от 4 до 11 лет. На наш

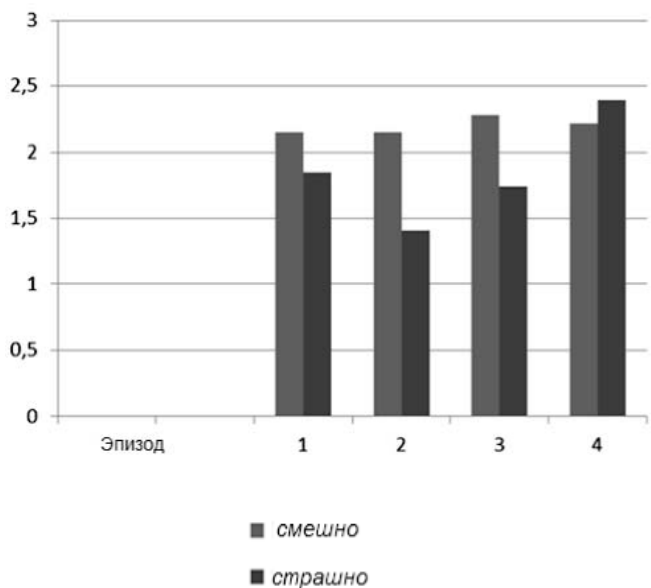

Рис. 6. Соотношение выраженности смешного и страшного в разных эпизодах

взгляд, это подтверждает представление о необходимости чувства безопасности для возникновения смеховой реакции. Старшие дети, благодаря сформированным механизмам критической оценки и отстранения от происходящего на экране, сохраняли чувство безопасности и могли иронично воспринимать нарушения «нормального» поведения персонажей. При этом острота нарушений норм или наличие в шутке рискованных, опасных событий могли способствовать особенно острому переживанию радости. Ведь чем более шутка «опасна», тем больше у смеющегося удовольствия от владения собственным страхом, переживания превосходства и освобождения.

В этом отношении показательны возрастные различия при восприятии четвертого, самого «страшного» эпизода. Напомним, что младшие дети, воспринимали указанный эпизод как наиболее страшный и совсем не смешной, тогда как старшие, напротив, оценивали его как наиболее смешной и не особенно страшный и часто выбирали данный эпизод как предпочитаемый. Этот результат иллюстрирует динамику изменения субъективного переживания безопасности и его влияние на восприятие смешного. Младшие дети, не способные дистанцироваться от происходящего на экране, оказывались захваченными переживанием тревоги, что препятствовало получению удовольствия от юмористической ситуации. По-видимому, они начинали воспринимать нарушение «всерьез», не считывая его игровую природу. Вместо обретения разрядки, чувства освобождения в данном случае они оказывались, напротив, в плену у собственного напряжения.

Можно предположить, что чувство безопасности и восприятие смешного взаимно обуславливают друг друга. С одной стороны, нарастающая с возрастом способность к дистанцированию и к сохранению чувства безопасности позволяет воспринимать все больше нарушений (в том числе, связанных с ключевыми «темами» страха, по Экману) как комические. В то же время переживание смешного и связанное с ним ощущение контроля над собственными эмоциями и «опасными» темами поддерживает и укрепляет чувство безопасности, делает смех инструментом релаксации и преодоления страха.

В младшей возрастной группе наблюдалось наибольшее расхождение в оценках детей, при этом их оценки отличались крайними значениями, тогда как среди оценок старших детей было много средних. Указанные результаты, подтверждают предположение о том, что в ранних возрастах смеховая реакция менее устойчива и более амбивалентна — дети более склонны к перепадам смеха и страха в ответ на нарушения привычного функционирования. С возрастом происходит расширение диапазона смехового инверсирования — ребенку доступно все больше поводов для смеховых реакций.

Интересны также индивидуальные различия в восприятии мультфильма, которые отмечались во всех возрастных группах. Напомним, что по характеру поведения во время просмотра мы условно разделили детей

на «шумных» и «тихих». Можно предположить, что шумные дети находятся на более высоком уровне «смехового» развития, поскольку уже используют смех в качестве инструмента взаимодействия. Смех для них — не только реакция на происходящее, но и атрибут общения, средство поддержания собственного статуса, и, по-видимому, влияния на собственное настроение. По всей видимости, эти дети уже используют смех в качестве средства, которое позволяет ослабить напряжение и получать удовольствие от острых ситуаций. Однако смех как культурное средство у этих детей еще не интегрирован, он действует только в контакте с окружающими, при их поддержке. В этом смысле, показательно поведение детей, активно смеющихся и обращающихся к сверстникам во время просмотра, а затем, при отсутствии реакции смотрящих на происходящее на экране с напряжением.

В отличие от шумных детей, тихие, по-видимому, в меньшей степени, освоили смех как инструмент саморегуляции и социального взаимодействия, их смех — скорее реактивный. Он может возникать как реакция на некоторые адекватные (т. е. переживаемые этими детьми как безопасные) нарушения. В то же время, как видно по более низкому уровню смеха в этой группе в целом (преобладанию улыбок) и наличию детей, которые оставались совершенно серьезными на протяжении всего мультфильма, смех для этой категории детей более случайная и менее осознанная реакция, чем для детей из шумной группы. По всей видимости, для этих детей характерна большая погруженность в повествование, меньшая способность к отстранению.

Рассмотрим отношение детей к разным эпизодам фильма. Наиболее насыщенным комическими приемами, обыгрывающими страхи, с точки зрения взрослого, был четвертый эпизод. При этом старшим детям данный эпизод показался самым смешным, а уровень страха у них был значительно ниже, чем у младших. Младшие дети в основном оценивали данный эпизод как очень страшный.

Оценки второго эпизода распределились аналогичным образом: большинство младших детей оценили его как страшный, в то время как старшие считали его совсем не страшным. При этом дети всех возрастных групп оценили его как смешной. Наиболее смешным, по оценкам всей выборки, оказался третий эпизод. По-видимому, это связано с тем, что показанное в данном эпизоде желание стать птицей напоминает детскую ролевою игру и распознается детьми как нечто родственное и понятное. Вместе с тем, эпизод отличает отсутствие потенциально опасных нарушений, а значит, как старшие, так и младшие дети могли воспринимать его как безопасное.

В заключении хотелось бы вернуться к вопросам о возрастной адресации юмора, о связи смеха и страха в произведениях для детей и о развивающем значении детского смеха при просмотре мультфильмов.

Можно предположить, что существуют определенные закономерности возрастного развития смеха, которые связаны с особенностями тех норм, инвер-

сии которых вызывают смех. Чтобы искажение нормы стало смешным, сама нарушаемая норма должна быть усвоена, освоена и понятна. Смеховая реакция на нарушение нормы связана с определенной эмоциональной и личностной зрелостью. Поскольку за смеховой реакцией в широком смысле лежит преодоление определенной тревоги и неуверенности в стабильности и предсказуемости мира, смех в детском возрасте оказывается признаком достаточно развитого контроля, способности к отстранению. Норма, над нарушением которой смеется ребенок, в этом случае, может маркировать как уровень когнитивного развития, так и уровень развития рефлексии и отстранения.

Как показывает проведенный эксперимент, помимо «понятности» шутки (норма должна быть очевидна и ясна ребенку) наше исследование указывает на значение эмоциональной и когнитивной зрелости детей. Ведь если нарушается норма, имеющая для ребенка особое значение, ситуация оказывается не только не смешной, но и страшной.

Вместе с тем, важным представляется отметить другую сторону смеха — инструментальную. Как отмечалось выше, смех с определенного момента ста-

новится своеобразным средством построения отношений, включающим преодоление собственной тревоги или определенной, устоявшейся точки зрения. В этом смысле, смех, в том числе при просмотре мультфильмов, может и должен служить развивающим средством.

Таким образом, при определении возрастной адресации мультипликационного юмора важно говорить о попадании произведения в некую адекватную возрасту «зону смеха». Такая зона очерчивает круг норм, для которых возможна инверсия, а также механизмы этих инверсий в соответствии со следующими факторами.

- Норма, с одной стороны, должна быть понятной и усвоенной, а с другой — представлять интерес для ребенка, быть актуальной.

- Нарушение должно быть, с одной стороны, безопасным, а с другой — не слишком «пресным», в определенной мере испытывать и бросать вызов.

Рождение смеховых реакций у ребенка — своеобразный показатель преодоления своего страха и фрустрации на нарушение нормы, показатель овладения не только ситуацией, но и собой. В этом и заключается очищающая и развивающая функция смеха.

Финансирование

Работа выполнена в рамках РГНФ 12-06-00567.

Литература

1. *Аристотель*. О душе. Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 371—448.
2. *Бергсон А.* Смех. М.: Искусство, 1992. 27 с.
3. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
4. *Козинцев А.Г., Бутовская М.Л.* О происхождении юмора // Этнографическое обозрение. 1996. Вып. 1. С. 49—53.
5. *Козинцев А.Г.* Смех, плач, зевота // Психология чувств или этология общения? / Ред. М.Л. Бутовская. М.: Старый сад, 1999. С. 97—121.
6. *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.

7. *Лоренц К.* Агрессия. М.: Прогресс; Универс, 1994. 272 с.
8. *Лурье В.Ф.* Краткая антология младших подростков // Школьный быт и фольклор / Сост. А.Ф. Белоусов. Таллин, 1995. 202 с.
9. *Мартин Р.* Психология юмора / Под ред. Л.В. Куликова. СПб.: Питер, 2009. 480 с.
10. *Мищенко И.Е.* Юмор в политике (функции и технологии). Дисс. ... магистр. политологии. М., 2005. 38 с.
11. *Фрейд З.* Остроумие. Донецк.: Сталкер, 1999. 127 с.
12. *Экман П.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2010. 336 с.
13. *Shultz T.R.* Order of cognitive processing in humour appreciation // Canadian Journal of Psychology. 1974. Vol. 28. P.409-420.
14. *Veatch T.A.* Theory of Humor - Humor, the International Journal of Humor // Research. 1998. Vol. 2. P. 161—217.

Age Specifics of Perceptions of Funny and Scary Things in Animated Films

A.L. Romanova*

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
psytoys@mail.ru

The paper addresses the phenomenon of a child's laughter and its role in the life of the child. Laughter is considered as a special type of cathartic experiences at the core of which lies the breaking of various well acquired cultural norms. At the same time, deviating from the common norms and stereotypes becomes the source of anxiety and fear. A hypothesis is set forth that the correlation between laughter and fear depends on the type and extent of the deviation as well as on the specifics of the child's perception of this deviation, which is closely connected with his/her age and the very situation of laughter-caused deviation. The paper describes outcomes of a research on children's perceptions of scary and funny things in an animated film that contains lots of deviations from various norms. A special technique was employed with which the children evaluated the film's key episodes as scary or funny. The research involved 3 groups of children aged 7–11 years. As a result, age-specific and individual differences were revealed in the children's perceptions of funny and scary things in the animated film; the discovered tendency is such that fearful feelings consequently decrease with age while laughing, on the contrary, increases. In the final part the paper reviews the issues of age ratings of animation humour and the 'zone' of laughter appropriate for each age.

Keywords: laughter reactions, fear, frustration, inversion of cultural norms, perception of animation, catharsis, age differences.

Funding

The research was carried out within the project #12-06-00567 of the Russian Foundation for Humanities

References

1. Aristotel'. O dushe. Moscow: Mysl' [About soul], 1976. Vol. 1, pp. 371–448.
2. Bergson A. Smekh [Laughter]. Moscow: Iskusstvo, 1992. 27 p.
3. Bakhtin M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa [Francois Rabelais's creativity and national culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 543 p.
4. Kozintsev A.G., Butovskaya M.L. O proiskhozhdenii yumora [About a humour origin]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1996, no. 1. pp. 49–53.
5. Kozintsev A.G. Smekh, plach, zevota: Psikhologiya chuvstv ili etologiya obshcheniya [Laughter, crying, yawning: Psychology of feelings or communication ethology]. Butovskaya M.L. (ed.). Moscow: Staryi sad, 1999, pp. 97–121.
6. Likhachev D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V. Smekh v Drevnei Rusi [Laughter in Ancient Russia]. Leningrad: Nauka, 1984. 295 p.
7. Lourents K. Agressiya [Agression]. Moscow: "Progress", "Univers", 1994. 272 p.
8. Lur'e V.F. Kratkaya antologiya mladshikh podrostkov. Shkol'nyi byt i fol'klor [Short anthology of younger teenagers. School life and folklore]. Belousov A.F. (ed.). Tallin, 1995. 202 p.
9. Martin R. Psikhologiya yumora [Humour psychology]. Kulikov L.V. (ed.). St-Petersburg: Piter, 2009. 480 p.
10. Mishchenko I.E. Yumor v politike (funktsii i tekhnologii). Diss. Magistr. [Humour in policy (function and technology). Magistr (Psychology) diss.] Moscow, 2005. 38 p.
11. Freid Z. Ostroumie [Wit]. Doneck: Stalker, 1999. 127 p.
12. Ekman P. Psikhologiya emotsii [Psychology of emotions]. San-Peterburg: Piter, 2010. 182 p.
13. Shultz T.R. Order of cognitive processing in humour appreciation. *Canadian Journal of Psychology*, 1974. Vol. 28, pp. 409–420.
14. Veatch T. A Theory of Humor - Humor. the *International Journal of Humor Research*, 1998. Vol. 2, pp. 161–217.

For citation:

Romanova A.L. Age Specifics of Perceptions of Funny and Scary Things in Animated Films. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2014. Vol. 10, no. 4, pp. 47–56. (In Russ., abstr. in Engl.).

* Romanova Aleksandra Leonidovna, Psychologist of the Center for Psychological and Pedagogical Expertise of Games and Toys, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia. psytoys@mail.ru